

Юрий Ларин родился в 1936 году за несколько месяцев до ареста и трагической гибели отца. Сын Николая Ивановича Бухарина и Анны Михайловны Лариной рос в детдоме, он был обречен на безрадостное детство и трудную жизнь. Стал инженером-гидротехником и только к 34 годам - художником. У него были выставки в Москве, в Нью-Йорке, в Базеле; его картины и акварели во многих музеях. Он живет и работает в Москве.

В старом здании "Известий" есть мемориально-историческая комната - бывший кабинет Николая Ивановича Бухарина, который был редактором "Известий". Никакой таблички, никаких формальностей, но все помнят, все знают, что здесь, где теперь работает главный редактор "Недели", был кабинет Бухарина. И вот в ясный сентябрьский день 94 года его сын-художник сделал это подношение. А накануне состоялась наша беседа с художником в его мастерской.

- Сколько лет ты рисуешь?

- Не знаю, что сказать. С детства. Я ведь маме посылал рисунки Сталина в лагерь. Вернее, знакомые отправляли их в лагерь: вот, мол, твой сын Юра какой способный - нарисовал Сталина. Срисовывал, конечно, Сталина, Ворошилова на коне, Орджоникидзе... И в стенгазетах я был штатным художником. Но, пожалуй, из всего этого одно важно: с самого детства помню, что меня не угнетало занятие рисованием. И когда я уже десять лет проработал в гидротехнике после окончания вуза и почувствовал, что больше не могу сидеть в этой конторе и должен что-то с собой сделать, я поступил в Строгановку. Поступил, не имея художественной подготовки, - повезло - брали на дизайнеров инженеров с высшим образованием.

- Твоя профессиональная работа художника зависела от общественно-го климата и в какой мере?

- Для меня рисование было психотерапией, потому что я строил гармонию внутри себя. Это была другая жизнь. Когда человек остро чувствует несправедливость (я даже не могу сказать, что к себе именно, вообще несправедливости), ему тяжело, он должен найти сферу, где может жить и работать, как хочет.

- Но ты многие годы добивался реабилитации отца: как новый генсек появится - ты ему письмо... Изолироваться от общественно-политической жизни ты ведь не мог?

- Думаю, что изолироваться от общества никому не удавалось, и мне тем более... Когда я только приехал в Москву, стал серьезно интересоваться искусством. Искусство становилось для меня и смыслом, и спасением.

- Значит, став художником, ты предпочитал запереться в своей мастерской. Но несколько общественных периодов сменялись на наших глазах: застой, потом воодушевление перестройкой и теперь - разочарование. Как ты думаешь, когда художнику легче закрыть окна в своей мастерской, в какой период?

- Раньше были четкие границы между

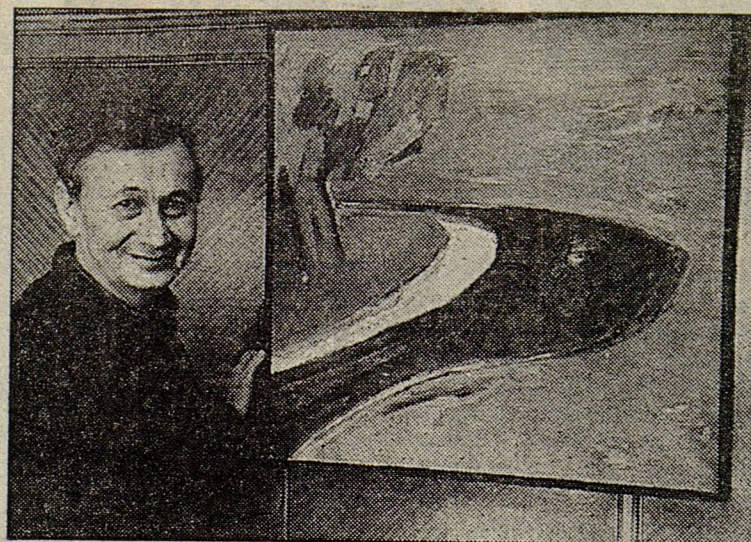
справедливостью и несправедливостью, их слишком часто нарушали, но в сознании нашем они были. Сейчас они размыты - это мне кажется тяжелее.

- В творчестве ты находишь спасение и поддержку, так я тебя понимаю? А думаешь ли ты, что твои работы могли бы какую-то помощь оказать другим?

- Нет, вообще-то говоря, я не верю, что художник может помочь людям.

Неделя - 1994 -
сент. (№ 37) - с. 11

Печальная гармония

Художник Юрий Николаевич Ларин подарил редакции "Недели" свою картину "Река Воря", пейзаж, масло, 2х3.

ний: нельзя сказать ни лесные дали, ни деревня...

А сейчас мне кажется, что мы дошли до какого-то предела, утратили связь с божественным началом и стали делать кроссворды вместо живописи, которые к тому же еще называют самовыражением.

- Скажи, с чем связан у тебя поэтический порыв, то есть желание написать картину? Ты сам за собой наблюдаешь?

- Боюсь, что я тебя разочарую. Иногда оттого, что я стал профессионалом, мне необходимо занять свой рабочий день.

- Нет, ты скажи, что в реальности тебя привлекает, притягивает?

- Я всегда ношу с собой блокнот и делаю зарисовки. Но чтобы работать, я обязательно должен прожить некоторое время в том месте, которое буду писать, потому что это ведь не география, просто так срисовывать я не могу, я должен проникнуться духом этого места. Я был в Базеле десять дней. Набросков сделал много. Познакомился с музеями, с людьми, вообще как-то почувствовал город. Я бродил по улицам Базеля, по набережной Рейна, и потом уже как-то сам собой сложился базелевский цикл.

Сейчас я собираюсь в Италию. И итальянцы предлагают возить меня чуть ли не по всей стране: как же ты не помотришь то да это? Я говорю: послушайте, я посмотрю Венецию - и мне достаточно, и городок, где буду жить. Иначе я превращаюсь в туриста, я не могу, я должен понять и колорит, и духовный настрой людей, с которыми я буду общаться.

- Теперь о картине, которую хочешь подарить "Неделе". Как ощущаешь ее настроение и связь с Николаем Ивановичем?

- Моя мастерская, как видишь, на Пушкинской, через площадь от редакции, все так близко, рядом, а я так долго собирался войти в комнату, в которой он работал. Я очень волновался. Я знал этот кабинет по описаниям мамы и рассказам Августы Петровны Коротковой, секретаря и помощника Николая Ивановича. И я так хотел там побывать и не решался.

- А когда Анну Михайловну приняли в "Известиях", тебя не было?

- Я болел тогда. Поэтому мне надо было самостоятельно, одному пойти... И вот когда я там побывал, подумалось: хорошо бы повесить в этом кабинете мою картину. Но какую работу выбрать? Я решил: нужно повесить русский пейзаж, хотя больше люблю юг и свои работы, сделанные там. Но здесь должна быть связь с той природой, которую знал и любил Николай Иванович. И я стал рассматривать свои русские пейзажи и выбрал картину "Река Воря". Кратчайшим путем она выражает драматизм моих чувств. Я попал на реку Воря с друзьями и сделал наброски, а потом сразу, в один или два сеанса, написал эту картину. Ее очень любила моя покойная жена писательница Инга Балт, ее любил мой друг Валерий Волков, он даже писал о ней. Драматизм здесь в изгибе реки, в сопоставлении белого, этой наледи, с темно-зеленой, уже предвзвешенной водой. Мне очень дорога эта работа. Когда ее хотели купить несколько раз, я не отдал.

- Может быть, драматизм этой кар-

тины, как реплика истории... Скажи, пожалуйста, когда возникло у тебя чувство, что ты знаешь Николая Ивановича Бухарина как человека?

- Помимо маминых рассказов, я узнал отца из книги Стивена Козна. Я услышал об этой книге по "Голосу Америки", написал автору письмо и получил от него книгу на английском языке. Не зная, по сути, английского, я взялся ее переводить.

Потом меня познакомили с Евгением Александровичем Гнединым. Все, кто знал его, считают себя счастливыми - блестящий человек. Раз в неделю мы встречались и вместе переводили. Стив мало пишет о человеческой стороне (это докторская диссертация), но его размышления экономиста-профессионала и революционера об общественной жизни очень важны, ведь без этого невоз-

можно было познать Николая Ивановича. Он был человеком своего времени, со всеми его выкрутками, но вместе с тем человеком, который всегда руководствовался благородными идеями борьбы за справедливость, и в чисто человеческом плане тоже.

- Сейчас, когда исторический дилетантизм достиг небывалого размаха, когда палачи и жертвы оказались без адвокатов и следователей, и анархия в осмыслении явлений, можно сказать, полностью восторжествовала, всем, кто действительно хочет знать о жизни предыдущей эпохи, будет интересно прочитать автобиографический роман Николая Бухарина "Времена", написанный им в тюрьме и хранившийся в архиве Сталина.

- Тем, кто его прочитает, быть может, станет понятнее, как мальчишка, родившийся в семье учителей, благородных российских московских интеллигентов, втянулся в революционную деятельность. Он видел несправедливость, которая вызвала в нем сильный протест. Не будь этого служения в политике, Николай Иванович Бухарин был бы, мне кажется, писателем. А еще он любил и знал живопись.

Юрий Ларин пришел в редакцию с женой Ольгой и с другом-художником Евгением Кравченко, собрались сотрудники "Известий" и "Недели", все были немного взволнованы. Картины повесили. Поговорили, помолчали и тихо разошлись, а "Река Воря" осталась. Чтобы свидетельствовать отныне и всегда о сильной и нежной любви сына к отцу, которого он никогда не видел, но которого узнал, понял и сохранил в своем сердце, и о том, что искусство, что ни говоришь, находит решения там, где жизнь бессильна.

Нинель ИСМАИЛОВА.

Фото Виктора АХЛОМОВА сделано в бывшем кабинете Николая Бухарина.